

Россия - 2005 - 1-7 сент. - с.14

Беседовал
Александр
Славуцкий

Вера Глаголеву помнят по картинам «Выйти замуж за капитана», «Торпедоносцы», «Не стреляйте в белых лебедей», «Звездопад» и многим другим. Почти сразу же после окончания школы снялась в фильме Родиона Нахапетова «На край света» — и прославилась. Всего же в фильмографии Веры Глаголевой больше 40 картин. Прошедшим летом на Московском международном фестивале, а перед этим на «Кинотавре» и в телеэфире (ТВЦ) состоялась премьера художественного фильма «Заказ», снятого режиссером Верой Глаголевой.

Вера ГЛАГОЛЕВА:

Если женщина не дура, она сильнее мужчины

Илья Милославский/Россиа

В двух словах, содержание картины таково: от главной героини Анны (Наталья Вдовина) муж ушел к другой женщине. Брошенная супруга впадает в депрессию, совершает несколько неудачных попыток самоубийства. И в конце концов поручает убить себя мужественному незнакомцу в исполнении Александра Балужева. Он даже берет у Анны деньги, которые она предлагает ему за эту «работу»... Ну а дальше события развиваются по схеме: встретились два одиночества. Но счастья у них не выходит, потому что Олег, который принадлежит то ли к какой-то спецслужбе, то ли к какой-то бандитской группировке, трагически погибает...

— Вера, известно, что «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Ваше превращение из актрисы в режиссера описывается этой формулой?

— Прежде всего это было желание доказать самой себе, что я могу делать что-то еще, кроме того как выполнять режиссерские указания перед камерой. Ведь в кино я снимаюсь уже более 30 лет, и мне давно хотелось иного. Разумеется, в картине есть шероховатости и ошибки, я их вижу, но есть сцены и эпизоды, которые искренне люблю, хотя бы ради них стоило картину снимать.

— Фильм снимался трудно?

— Ну а как кино может легко сниматься? Сами понимаете, это огромное напряжение. Постоянное сомнение в себе: а вдруг ты чего-то недосмотрела, недоумала и так далее. Сомнения в себе были все время. Но в общении с актерами и с творческой группой никаких трудностей не возникало.

— Вы не были режиссером-диктатором?

— Ником образом. Я шла от индивидуальности актеров. Они существуют, конечно, в предлагаемых обстоятельствах, но абсолютно органично для каждого из них. Я не ставила перед собой задачу их укротить.

— Фильм, надо сказать, довольно далек от сегодняшнего кинематографического мейнстрима, я имею в виду различные «Турецкие дозоры» и «Ночные гамбиты» и прочие высокобюджетные, динамичные и сюжетные кассовые фильмы. У вас же кино совсем другое: частые крупные планы, долгие немые паузы, эмоции, медленно проступающие на лице... Это все, конечно, очень интересно для критиков и коллег, но не опасается ли, что сегодняшний зритель такое кино не примет?

— На мой взгляд, различные киножанры могут существовать, совершенно не соперничая друг с другом. В кинотеатрах уже не один год с аншлагом идут блокбастеры, но, несмотря на это, снимаются и другие

фильмы. Мне всегда казалась интереснее мелодрама как жанр кино, раскрывающий психологию женщины, и особенно в экстремальных ситуациях. Я, конечно, не могу называть себя романтиком, потому что, пройдя определенный жизненный путь и с течением определенных обстоятельств, ты уже понимаешь, что романтика осталась в прошлом, но в искусстве мне именно этого и не хватало.

— Вы говорите, что ваш фильм посвящен любви, но ведь по нему-то получается, что никакой любви на самом деле и не существует, а есть только самообман или самовнушение. Судите сами, сначала ваша героиня сходила с ума от любви к мужу, а потом в два счета перенесла все эти чувства на киллера.

— Я думаю, что здесь дело в другом. Она сходила с ума оттого, что не ожидала предательства. Ведь раньше у нее была счастливая жизнь, которая вдруг прервалась. Что же до самообмана, то, может быть, они сами не до конца поняли, что с ними произошло. Это, знаете, такое озарение, которое приходит вдруг, и ты ничего с собою сделать не можешь. Только знаешь, что ты не просто хочешь видеть, а не можешь жить без любимого человека. Причем несмотря ни на какие предательства, которые мешают быть вместе.

— Ну да, любовь надо подкреплять. Особенно когда дело доходит до быта.

— Чтобы любовь не была убита бытом, ее необходимо все время подпитывать. Женщина должна быть мудрее, потому что часто мелкие ссоры приводят к большим трагедиям. Но она может многое нивелировать своим характером. По сути, женщина, если не дура, сильнее мужчины. Но некоторые и сильного человека могут так раздавить, уничтожить, что он потеряет даже то, что имеет. А другие своей слабостью, терпением, восхищением сделают то, что не получится даже у большой умницы с сильным характером. Я думаю, что счастливая или несчастная судьба супружеского союза зависит прежде всего от женщины.

— Все-таки фильм из тех работ, которые хотя бы отчасти делаются для себя, а значит, и в каком-то смысле он является рассказом о себе. Похожи ли вы на героиню «Заказа»?

— Сходство, наверное, есть. Что касается существенных моментов — поведения, отношения к каким-то вопросам, и в особенности к любви, — думаю, и здесь мы тоже во многом с ней совпадаем. Конечно, не хочу сказать, что, попав в ее ситуацию, я вела бы себя в точности, как она, но какие-то параллели между нами провести можно. И понимаю, как сложно пережить потерю любви.

— А при расставании с Нахапетовым что-то подобное у вас было?

— Честно говоря, мне не очень хочется на эту тему говорить. Ведь это все осталось в далеком прошлом. Тогда было очень тяжело и тоскливо, и меня спасло то, что я начала заниматься режиссерской работой. Я бросилась в режиссуру, как в омут, и сняла картину «Сломанный свет». И та работа отвлекла и помогла мне прийти к себе.

— С Нахапетовым вы разошлись в начале 90-х, но судя по вашим словам в одном из интервью — «все обиды уже позади», вы помирились и продолжаете общаться?

— Да, это так. Иначе быть не может, все-таки время лечит. Конечно, далеко не все, но многое. Есть какие-то вещи, которые не продаются, хотя внешне все выглядит, конечно, прилично и спокойно. Мы встречаемся, обсуждаем творческие планы, говорим о кино, театре и так далее.

— «Сломанный свет» вышел на экран без малого 15 лет назад. И как-то вы сказали, что одной из причин столь долгого перерыва в режиссерской работе была проблема с финансированием. Если честно, то не совсем понимаю, как могут быть проблемы с финансированием у вас, если ваш супруг крупный бизнесмен?

— Честно говоря, мне самой хотелось это дело осилить. Когда мы встретились, я была сформировавшейся личностью. И хочу впрямь ей и остаться. Что касается фильма, то он делался по заказу ТВЦ, и я очень рада, что на канале моей работой остались довольны.

— А муж не ревнует вас к вашему успеху, не досаждал ли его самолюбием ваша популярность и слава?

— Нет. Он настолько самозабвен и занимает в обществе серьезное положение, что у него нет этой проблемы. И я не веду себя так: вот я такая, а ты тут рядом. Наоборот, в некоторых компаниях меня воспринимают прежде всего как жену своего мужа.

— А в принципе, как вы считаете, женщина обяза-

тельно должна работать, чтобы быть интересной мужу?

— Тут нет рецептов. Мне кажется, если муж не хочет, чтобы жена работала, есть смысл к нему прислушаться. Но это может иметь печальные последствия. У мужа много увлечений, а у жены что? Бывает, заканчивается так: дети выросли, муж ушел к другой...

— После развода с Нахапетовым кроме разочарований и тоски вы столкнулись и с проблемами материального порядка. Так что брак с бизнесменом был неплохим выходом из ситуации. Второй раз замуж вы вышли по любви или по расчету?

— Как можно задать мне этот вопрос? Я не понимаю, объясните (*смеется*). Мы все-таки вместе живем 15 лет. К тому же он очень красивый и внешне, и внутренне. Если бы Кирилл был маленьким, толстым, лысым и старым, то можно было бы сказать: да, это, конечно, брак по расчету. А когда нас видят вместе, такого вопроса ни у кого не возникает.

— Наверное, каждый раз, когда заканчиваются съемки очередного фильма, наступает время подведения каких-то промежуточных итогов и рефлексии. В такие моменты у вас никогда не возникает несколько досадного ощущения, что сейчас вы не так заметны, как, допустим, в середине 80-х, когда «Советский экран» назвал вас самой заметной актрисой года?

— Что значит — заметна? Ведь если поставить целью быть узнаваемой, то достаточно мелькать на телевидении, светиться на тусовках, давать интервью глянцевым журналам, вот и все. И совершенно не обязательно при этом еще и создавать что-либо. Для меня важнее работать на сцене или на съемочной площадке. Хотя, если говорить не о телевизионном кино, а художественном, раньше работы было, конечно, больше. Когда ты не снимался в Москве, то могли пригласить в Ленинград, в Киев, другие города. Сейчас на многих студиях снимают по одной картине в год, и проблема актерской занятости суще-

ствует. Изменился ритм, нужно самой все рассчитывать вперед...

— Как-то вы признались, что в сериал «Маросейка, 12» вы попали чуть ли не в последний момент, когда ваш приятель, сценарист Сергей Белошников, решил развить мужскую компанию женщиной и переписал сценарий.

— Когда Сергей предложил мне роль в сериале, ему не пришлось значительно переделывать сценарий. Моя героиня является там далеко не самым главным персонажем, а скорее только подыгрывающим звеном.

Мне кажется, если муж не хочет, чтобы жена работала, есть смысл к нему прислушаться. Но это может иметь печальные последствия. У мужа много увлечений, а у жены что? Бывает, заканчивается так: дети выросли, муж ушел к другой...

— Ходят упорные слухи, что каким-то образом в свое время вам удалось в фильме «Бедная Саша» занять место жены режиссера Тиграна Кеосаяна — Алены Хмельницкой...

— У вас какие-то странные сведения, скорее всего, найденные в Интернете, где если и есть что-то обо мне, то в основном всякие слухи и гадости. Алена и не должна была играть в этом фильме. Почему это так, надо спрашивать у Тиграна. Мне известно только то, что на роль была утверждена Лена Майорова, которая трагически погибла, и меня пригласили в фильм буквально за несколько дней до начала съемок. Там была уходящая натура, и требовалось срочно, в начале сентября, приступить к работе, поэтому мне кажется, что я вырвалась съемочную группу.

— Неужели вы хотите сказать, что знакомства и связи особого значения для продвижения карьеры артиста не имеют?

— Наверное, это важно, хотя на свой счет это я не могу отнести. Да, я довольно часто бываю на различных фестивалях, но не скажу, что мои роли как-то с

этим связаны: вот протусовалась на фестивале и получила роль. Для меня на фестивале скорее важно общение, встречи с друзьями.

— С другой стороны, если бы в начале 70-х Родион Нахапетов случайно не заметил вас однажды во время съемок на «Мосфильме», может быть, Вера Глаголева и не стала бы актрисой?

— Наверное, не стала бы заниматься в своей жизни чем-нибудь другим. Но я благодарна судьбе, потому что это был действительно счастливый случай, определивший всю мою жизнь. Я

теперь, на его взгляд, мы вообще-то с ней не очень похожи, но все равно пусть приходит на пробы. В результате она попала не только на этот, но и на другой фильм, в котором я уже не играю. Георгий Эмильевич просто влюблен в нее, так ему нравится, как она работает. И вот тут как сказать — помогаю я ей или нет? Я считаю, что дала ей шанс, а дальше все зависело от нее.

— Сейчас вы где-нибудь снимаетесь?

— После пятилетнего перерыва мы снимаем продолжение сериала «Наследницы». Картина запомнилась зрителям, потому что это был один из первых сериалов не про стрельбу и убийства, а про человеческие взаимоотношения. К тому же там очень хороший актерский состав: Лидия Смирнова, Ирина Скобцева, Марианна Вертинская, Лариса Гузеева, Тамара Акулова, Александр Балужев. Сейчас мы опять вместе играем, и это кажется мне так непривычно. Да и вообще актерская работа мною сейчас воспринимается совсем по-другому. Вот когда снимала свой фильм, постоянно думала: какой план выбрать, что будет монтажно, а что нет, а тут я словно парю в облаках, ни о чем не задумываюсь, режиссер мне ставит задачу, объясняет, как играть — красота!

— И все-таки «Наследницы» — это проект телевизионный, а как вы вообще относитесь к нашему телевидению?

— Не поддерживаю тех, кто его огульно отрицает. Сейчас появляется все больше профессиональных и качественно снятых сериалов, есть немало интересных программ, которые стоят того, чтобы их смотрели. Например, на канале «Культура» всегда можно найти замечательные просветительские программы, которые развивают зрителя и помогают ему ориентироваться в мире искусства. С удовольствием смотрю наше старое кино. В этих черно-белых фильмах, как мне кажется, есть какая-то магия. Из медленного темпа и протяженности кадра возникает особая, неповтори-

мая атмосфера, собственный мир. И вот эти миры, созданные Кулиджановым, Чухраем, Калатозовым и другими нашими классиками, меня покоряют и завораживают.

— А предыдущая ваша телевизионная работа — две роли в телепроекте «Остров без любви», основанном на русской прозе XX века. Помню, как, начиная сниматься, вы признались, что очень соскучились по классике.

— Очень, и «Остров», наверное, был ценен для меня тем, что дал возможность к ней прикоснуться. Это главное, почему я согласилась в фильме сниматься. Мы рассказали о том, что раньше по-другому относились к жизни и иначе ее ощущали. Меня очень огорчает, например, что сейчас подается через иронию то, что тогда было настоящей трагедией. Говорить о высоких и больших чувствах стало как-то не принято, не модно, поэтому на современном материале таких ролей «на разрыв» мало.

— В ваших словах читается некое пренебрежение к современности, некий консерватизм.

— Да, я считаю себя консервативным человеком. И не очень принимаю современную жизнь, особенно то, с какой легкостью в ней люди переживают значительные события, как просто расстаются, забывают друг друга, предаются. Все негативное в наше время вдруг стало как-то особенно ярко раскрываться. В вечной борьбе добра со злом в наше время почему-то именно зло начинает активно проявляться.

— А каким ветром вас, человека, настаивающего на своей консервативности, занесло в такую современную программу, как «Последней герой»? И как, кстати, к этой авантюре отнеслись домашние?

— Может быть, вы удивитесь, но никто из них не протестовал. Наоборот, из-за домашних я там и оказалась, потому что дочка сказала: мам, это здорово и классно, давай поезжай, мы будем за тебя болеть. Я-то сама почти не смотрела программу и не очень хорошо понимала, что это такое. Кроме того, на весь срок из-за гастрольного графика поехать не могла, но когда мне предложили, как джокеру, прилететь на одну неделю, мне показалось, что это не такой уж и большой срок, и я перенесла его довольно спокойно.

— Наверное, от пребывания на острове у вас осталась масса впечатлений.

— Больше всего мне запомнились потрясающие пейзажи, которые на фоне голубого неба казались почти черными. В них даже было что-то зловещее. Иногда у нас возникало ощущение присутствия на острове какой-то мистики, недаром индейцы его недолюбливают и обходят стороной. Это не то чтобы заколдованное, но какое-то явно непростое место. Была одна совершенно невероятная история, которая, к сожалению, ни одной камерой не снималась. На открытом катере мы возвращались с последнего совета. Кроме участников с нами были только двое мажорсов. Когда мы ехали на совет, было безоблачное небо, ослепительное солнце, но по пути обратно, только мы отплыли от берега, прямо над нами пролетела огромная стая черных пеликанов, стало уже как-то неприятно. Постепенно темнело, и вдруг у нас заглох мотор. Мы еще больше напрыглись. Мотор никак не заводился, мы сидели, не зная, что делать, и вдруг начался невероятной силы ливень, казалось, что вода лилась сплошной стеной. А затем... я вообще первый раз в жизни видела, чтобы в дождь летали птицы. Но эти страшные пеликаны над нами, вымокшими до последней нитки, начали низко-низко кружиться. Просто какой-то ужас, представляете: хлещет дождь, лодка стоит, а над нами кружатся черные птицы. Это была какая-то мистика, будто бы так, наверху, кто-то против нас возмутился.

Слова

Георгий Гаранян:

— Несмотря на то что мы с Верой Глаголевой люди разных поколений и занимаемся далекими друг от друга направлениями в искусстве, я отношусь к ней с огромной нежностью и любовью. Помню, как она появилась на экране в фильме Нахапетова совсем хрупкой девочкой-подростком, трогательной и трепетной, чем-то напоминавшей встревоженную птицу. Ее игра меня пронзила своей искренностью и цельностью. Ну а затем на протяжении вот уже трех десятилетий я по возможности следил за Вериними работами, так что можно сказать, что ее становление прошло на моих глазах. За эти годы она стала настоящим мастером своего дела, актрисой с большой амплитудой, которой подвластен очень широкий спектр различных чувств и страстей. Я знаю, что сейчас Вера пробует себя в режиссуре: сняла картину «Заказ», подумывает над съемками следующей, я бы хотел ей пожелать успехов и на этом поприще. Искренне верю, что и тут у нее все сложится блестяще.